

КОГДА ЛЮБВИ НА СЕРДЦЕ НЕТ...

*Когда любви на сердце нет,
В чём вдохновение поэт
Порой находит? Иногда
Его пленит в ночи звезда,
С берёзы сброшенный листок,
Что так поверженно у ног
Лежит, напоминая путь,
С которого не смог свернуть
Ни бедный раб, ни господин...
Конечный путь для всех един.*

*И, в сердце пестуя печаль,
Глядит поэт в немую галь,
Предвидя час, когда и он,
Как все, с рожденья обречён,
Себя разделит пополам —
Взлетит Душой к иным мирам,
А тело бросит на земле...
И с вдохновеньем на челе
Поэт выводит свой куплет:
«Когда любви на сердце нет...»*

КОГДА-НИБУДЬ...

*Когда-нибудь вослед другим
Уйду и я в объятия сна...
Но этот холод долгих зим
И эта странная весна
Навек останутся земле,
Уже невидимой во мгле...*

В БЕЗДНУ

*Вот уж и полёт — негалёк,
И, касаясь бледного лба,
То ли — приближается Рок,
То ли — суется Судьба.*

*А Душа, как прежде, робка!
Всё боится крылья раскрыть!
Бездна перед ней глубока,
Выбор вечен: быть иль не быть?*

*Но Судьба идёт на прорыв!
С нею — Рок, в затылок дыша...
И, покорно крылья раскрыв,
Покидает тело Душа.*

ДАВАЙ РОНЯТЬ СЛОВА...

*Давай ронять слова,
Как саг — янтарь и цегру...
Б. Пастернак*

*Давай ронять слова
По капле в море фраз.
Молчанья острова
Затопим... И тотчас*

*Прозрачная вода
Взмутит, ища ответ:
Вот в этой капле — «да»,
А в этой капле — «нет».*

ЧТО НЕ СЛЫШИТ ПОДСОЗНАНИЕ

— Мальчики, вернитесь сейчас же! Вася! Саша! Костя! Ну хватит уже, слышите?!

Светлана Николаевна стояла возле боковой калитки, ведущей во двор детского дома, и пыталась остановить мальчишек, с криками и ужимками идущих по переулку вслед за тремя уставшими бомжами. Бездомные люди совершили большую ошибку, выбрав для ночлега заброшенный двухэтажный коттедж, который находился на территории детского дома и принадлежал когда-то бывшему директору этого невесёлого учреждения. Было лето, и дети, наслаждаясь относительной свободой, занимались своими важными делами. Девочки качались на качелях, играли в классики, ловили бабочек или просто прогуливались по двору. Мальчики играли в футбол, убегали купаться на Енисей или шли на автозаправку, где зарабатывали рубли, вставляя шланг в бензобак автомобиля. Светлана Николаевна работала в пятой группе. У неё были мальчики от восьми до десяти лет. Четверо находились в санатории, двое смотрели телевизор, двое играли с девочками, а эти пятеро забрались в полуразрушенный коттедж и нашли себе развлечение, бросая в непрошенных гостей камни и обидные слова. Когда подошла Светлана Николаевна, двое неопрятных мужчин и женщина уже спускались со второго этажа. Кто-то из них бросил в мальчишек кирпич. Слава Богу, он пролетел мимо глупых головок, но воспитательница сильно испугалась и уговорила мальчиков отойти подальше. Она начала было объяснять детям, что их поведение безобразно и что их родители во многом не лучше презираемых ими людей.

Но мальчики ничего слушать не стали. Они были возбуждены своим злым весельем и в азарте бросились догонять бомжей. Тихий переулок, обрамлённый старыми тополями, наполнился звуками словестной борьбы между несчастными взрослыми и несчастными детьми.

Светлана Николаевна с тоской смотрела на этот спектакль и жалела о том, что она не Макаренко, и о том, что

когда-то давно, в прошлом веке, выбирая путь самостоятельной жизни, она говорила себе: «Я не знаю, кем я хочу быть, но только не педагогом!» Она умела рисовать и играть на пианино, любила литературу и математику, но не любила и жалела учителей. Комсомолка Света не любила учителей потому, что была в ту пору слишком принципиальна и не прощала педагогам их промахи и слабости. Школьница Света жалела учителей, потому что нередко видела их беспомощность перед детским коллективом. Именно такую, как у неё сейчас...

«О нет! Только не педагогом!»

Это потом уже, закончив строительный институт и с увлечением работая инженером, она прочла в какой-то книге по психологии, что «подсознание не слышит частицу „не“». Прочла да и забыла: мало ли что пишут психологи?

А психологи ещё пишут, что мысль материальна. И вот, вопреки утверждению Фёдора Ивановича Тютчева: «Мысль изречённая есть ложь», — в стране вдруг наступили перемены, которых требовало сердце Виктора Цоя, о чём он страстно и страшно пел народу. Перемены получили название «перестройка», и, будто в насмешку над этим, страна стала поспешно избавляться от инженеров-строителей, инженеров-геологов, инженеров-технологов. И потекли людские ручейки проектировщиков из большого семиэтажного здания института, в котором работала Света, на вокзалы и рынки, в школы и больницы. Мастерские и технические отделы заняли различные конторки, называемые «офисами», в которых деловые люди руководили перепродажей различной продукции, а проще — спекуляцией. Впрочем, некоторые бывшие работники института остались верны своей профессии и, проявив коммерческую смекалку, создали свои маленькие строительные организации. Света же не обладала деловыми качествами, но растила трёхлетнего ребёнка, поэтому слишком большого выбора у неё не было. Однако, упорно повторяя своё заклинание «только не педагогом», она выучилась на секретаря-машинистку, поработала уборщицей, социальным работником и даже

экстрасенсом. Страну трясло. Свету вытряхивало отовсюду, как пушинку, и к сорока годам она сдалась — пришла вместе со вторым ребёнком в детский сад и попросилась на должность воспитателя. Должность была востребована, и руководители учреждений не интересовались образованием потенциальных воспитателей: можно было иметь диплом техника, инженера, повара или вовсе не иметь никакого диплома, только аттестат.

Новому воспитателю Светлане Николаевне объяснили и показали, как нужно проводить занятия, но ни слова не сказали о том, каким способом поддерживать дисциплину в группе из двадцати дошкольников, двое из которых устраивали истерики по любому ничтожному поводу. Приходя домой после работы, Светлана Николаевна сама впадала в истерику и, рыдая, просила: «Господи, Ты знаешь, я не хотела, но Ты привёл меня сюда! Помоги же мне, Господи...»

Бог услышал её молитвы, и вскоре Светлану Николаевну перевели работать к самым маленьким детям, а её напарницей и наставником стала женщина на десять лет старше. В прошлом — технолог швейного производства, Людмила Анатольевна была умна, спокойна и доброжелательна. К тому же она обладала таким чувством юмора, которое действовало на Светлану Николаевну как хорошее успокоительное средство. В игровой комнате стояло пианино, и Светлана Николаевна с удовольствием наигрывала детям простые мелодии русских народных песен — малыши веселились или ложились на коврик под звуки колыбельной:

Котя, котенька, коток,
Котя — серенький хвосток,
Приходи к нам ночевать,
Нашу деточку качать...

Светлана Николаевна стала много рисовать — картинки для занятий, настольных игр, декорации к праздникам — и наконец-то почувствовала некоторое удовлетворение от

работы. Дети росли, и вместе с ними рос педагогический опыт Светланы Николаевны. Она учила дошколят лепить, рисовать, умываться, одеваться, оправдывалась перед их родителями за травмы на прогулках, собирала деньги на театры и ремонты, училась на курсах повышения квалификации, поливала цветы, мела участок для прогулок (зимой гребла большой лопатой снег), красила веранду, белила деревья. Уже не плакала, но всё так же мечтала быть «не педагогом». Набираясь опыта, она научилась загонять нервные клетки в дальний угол, где они медленно умирали.

С годами шансов найти новую работу становится всё меньше. Постучавшись в несколько дверей и получив отказ, Светлана Николаевна уже решила было стать в этом же садике нянечкой — накрывать на стол, мыть посуду и полы, но ей едва хватало на жизнь маленькой зарплаты воспитателя, а нянечки получали и того меньше.

Так прошло десять лет.

Однажды Светлана Николаевна узнала, что в детский дом требуется старший воспитатель. Она сходила на собеседование, где ей объяснили, что в её обязанности будет входить «координация работы воспитателей». Что это значит, Светлана Николаевна не знала, но, сделав умный вид, сказала, что всё поняла. Когда она объявила о своём решении дома, сын посмотрел на неё с недоумением: «Мама, ты куда идёшь? Ты с этими-то справиться не можешь!»

Но Светлана Николаевна наивно полагала, что теперь ей придётся общаться только со взрослыми людьми, и к тому же зарплата здесь была в три раза больше, чем в детском саду. Стоило рискнуть.

Знакомство с педагогическим коллективом не исключало знакомства с воспитанниками. В большинстве групп дети посмотрели равнодушно на нового работника, лишь в шестой кто-то из мальчишек обозвал её «старухой». Когда же Светлана Николаевна пришла знакомиться к старшим мальчикам, с которыми работала Елена Владимировна, молодая, крепкая, строгая и одновременно весёлая воспитательница, юноша восемнадцати лет, уже отбывший срок за

какое-то преступление, смерил презрительным взглядом тщедушную фигуру пятидесятилетней женщины и проговорил с усмешкой: «Понаберут же работников...»

Что ж, у Светланы Николаевны теперь были отдельный кабинет, где она могла от всех спрятаться, и хорошая зарплата — можно потерпеть обидные клички и посылы куда-нибудь «на...».

График работы тоже её устраивал: три дня по девять или двенадцать часов (это зависело от ситуации), четыре дня — выходные. В будние дни работать было легче — в детском доме находились директор, три его заместителя, два социальных педагога — стало быть, под их руководством порядок был обеспечен. Светлана Николаевна обходила группы, смотрела, на месте ли воспитатели, шла в столовую следить за организацией питания, потом в кабинете корректировала график работы дневных и ночных воспитателей, иногда ходила в школу за детьми. После пяти вечера у администрации заканчивался рабочий день, Светлана Николаевна оставалась одна в ответе за весь детский дом, и тогда она начинала бегать по всем этажам, чтобы не упустить какое-нибудь важное событие. В конце рабочего дня ей нужно было проверить, все ли на месте, позвонить в пожарную охрану с сообщением о количестве детей в здании и спокойно идти отдыхать. Однако редко бывало, чтобы к её уходу старшие ребята все были в группе — они гуляли, ходили по своим делам, и воспитатели не всегда могли ответить на вопрос, где находится тот или иной детдомовец. Тогда Светлана Николаевна, согласно правилам, шла в полицейский участок, для того чтобы подать заявление в розыск. Там ей приходилось иногда ждать своей очереди часа полтора, и домой она приходила только к полуночи. В субботу же она бегала по трём этажам детского дома весь день. Делая вид, что она «корректирует работу воспитателей», Светлана Николаевна незаметно, а иногда и открыто училась у них разным методам работы с трудными детьми и вникала в традиции, правила и законы нового места работы. На самом деле ей было страшно

и неловко от осознания своего непрофессионализма, и по дороге на работу она читала девяностый псалом Давида в надежде, что он убержёт её от неприятностей: «Живый в помощи Вышняго в крови Бога небесного водворится...»

Вскоре, видя отзывчивый характер Светланы Николаевны, воспитатели стали сами забегать к ней в кабинет поговорить, а чаще — пожаловаться на несправедливость начальства, на безответственность сотрудников другой смены и на выходы своих подопечных.

Начальство заметило исполнительность и ответственность нового старшего воспитателя, и у Светланы Николаевны добавилось обязанностей: она стала сопровождать детей в санатории и в больницы, общаться со спонсорами, распределять по группам туалетные принадлежности, называемые между сотрудниками «мыльно-рыльными», а также принимать от населения гуманитарную помощь в виде игрушек и одежды. Когда же наступила пора отпусков, Светлане Николаевне пришлось совмещать свою должность с педагогической работой в группе мальчиков.

К тому времени дети уже поняли: Светлана Николаевна — человек скорее добрый, чем злой, — перестали обзывать её «старой бабкой», делились конфетами, пили со Светланой Николаевной чай с печеньем, а некоторые даже готовы были назвать её «мамой». Однажды кто-то вот из этих мальчиков, которые кривлялись вслед бомжам, сказал ей: «Светлана Николаевна, вы — самый лучший воспитатель. Только вас никто не слушается».

«Вот именно, — думала Светлана Николаевна, стоя посреди переулка. — Какой же я „хороший воспитатель“, если меня никто не слушается?» Ни на что уже не надеясь, она снова крикнула:

— Мальчики, вернитесь сейчас же!

И тут со стороны двора детского дома прозвучал вопрос:

— Светлана Николаевна, что случилось?

В проёме калитки стоял Дима, юноша пятнадцати лет из группы Елены Владимировны. Среднего роста, с хорошей

спортивной фигурой, мягкими чертами лица и длинной каштановой чёлкой, спадающей на лоб, он был красив. И красива была его знаменитая фамилия — Суворов. Он мечтал стать архитектором, и Светлана Николаевна как-то подарила ему красочную книгу по учебному рисунку. Дима часто помогал ей что-нибудь передвинуть или перенести, а однажды, когда она забыла в кабинете ключ и захлопнула дверь, он залез в кабинет через окно второго этажа, так что замок ломать не пришлось.

— О, Дима, — виновато пробормотала Светлана Николаевна, — они дразнят бичей...

Дима кивнул головой, встал с ней рядом и громовым басом крикнул:

— Пацаны! А ну-ка быстро ко мне!

«Пацаны» резко остановились, повернулись на сто восемьдесят градусов и через секунду уже преданно смотрели на старшего товарища. Старший товарищ привёл их на полянку двора, построил ровненько, сказал небольшую речь об их отвратительном поведении и скомандовал:

— Принять упор лёжа! Отжимаемся двадцать раз. Считаю: один, два, три...

У Светланы Николаевны свалился с души очередной камень. «Может быть, подсознание чего-то и не слышит, потому что оно — „под“, — подумала она, — но тот, кто „над“, — слышит всё».